

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1252–1290
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 4 (2022): 1252–90

Научная статья

УДК 323.1(470.54)"1930/1950"(=112.2)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-4>

Социальный портрет трудмобилизованных в лагеря принудительного труда Урала, 1941–1946 гг.

Виктор Михайлович Кириллов✉

Филиал Российского государственного
профессионально-педагогического университета
в г. Нижнем Тагиле,
Нижний Тагил, Россия,

history_vmk@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6878-2171>

Viktor M. Kirillov✉

Branch of the Russian State Vocational Pedagogical
University in Nizhny Tagil,
Nizhny Tagil, Russia,

history_vmk@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6878-2171>

Сергей Львович Разинков

Российский государственный профессионально-
педагогический университет,
Екатеринбург, Россия,

sergerazinkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>

Sergei L. Razinkov

Russian State Vocational Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia,

sergerazinkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>

Аннотация. Лаборатория исторической информатики Нижнетагильского государственного социально-педагогического института с 2000 г. работает над проектом «Gedenkbuch: Книга памяти репрессированных российских немцев», в рамках которого изданы коллективные монографии по ИТЛ Урала и создана электронная база данных объемом около 100 тыс. персоналий, основанная на материалах учетных картотек лагерей принудительного

© Кириллов В.М., Разинков С.Л., 2022

© Kirillov V., Razinkov S., 2022

труда. Целью настоящей статьи является ознакомление читателей с результатами сравнительного анализа социального портрета трудмобилизованных нескольких лагерей Урала по общепринятым параметрам, связанным с содержанием первоисточника – учетных картотек спецконтингента в архивах силовых ведомств. Информационной базой создания социального портрета репрессированных и сравнительного анализа являются архивные источники ИТЛ ГУЛАГа и электронные базы данных, сформированные в процессе создания Книг памяти в период с 1999 по 2021 г. В качестве основных методологических средств исследования используются понятийный аппарат новой социальной истории, просопографический и историко-сравнительный методы, методы исторической информатики. Определены источники, динамика и этапы поступления трудмобилизованных; выявлен спектр национальностей, составивших этот контингент, проведен анализ половозрастного состава, места рождения, социального происхождения, уровня образования, партийной принадлежности, трудовых занятий до мобилизации, причин и масштабов убытия из лагеря и смертности; установлен процент арестованных и осужденных; прослежена динамика демобилизации и освобождения из ИТЛ. В результате исследования выявлена специфика социального портрета в зависимости от места, времени и производственного предназначения ИТЛ. Сложный состав спецконтингента всех лагерей был представлен такими категориями, как заключенные, трудмобилизованные, военнопленные, интернированные. В численном отношении преобладали заключенные и трудармейцы. Несмотря на особый статус трудармейцев, призванный несколько облегчить их положение, все они были заняты принудительным трудом и находились в условиях лагерного режима в общем составе спецконтингента. Труд вольнонаемных составлял незначительный процент от участников строительства промышленных объектов и лесных разработок. В статье сделан акцент на реконструкции социального портрета трудмобилизованных в рамках конкретных ИТЛ Урала. Решение этой задачи позволило выявить обобщенные характеристики социального портрета трудармейцев в целом. Основные социо-демографические характеристики этой категории спецконтингента связаны с российскими немцами и практически совпадают с результатами переписи 1939 г. Однако принципиально важным отличием является то, что наши наблюдения концентрируют внимание не на немецком национальном меньшинстве в составе СССР, а на российских немцах как одной из составных частей спецконтингента лагерей принудительного труда. В соответствии с этой задачей выявлены обобщенные характеристики трудмобилизованных. Значение проведенного исследования определяется введением в историографический оборот просопографических баз данных, объединенных на основе сравнительного анализа.

Ключевые слова: Проект “Gedenkbuch”, ИТЛ, спецконтингент, трудмобилизованные российские немцы, электронные базы данных, просопографический метод, социальный портрет

Для цитирования: Кириллов В.М., Разинков С.Л. Социальный портрет трудмобилизованных в лагеря принудительного труда Урала, 1941–1946 гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1252–1290. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-4>

Social portrait of persons mobilized for labor in the forced labor camps of the Urals, 1941–1946

Abstract. Since 2000, the Laboratory of Historical Informatics of Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute has been working on the project “Gedenkbuch: Book of Memory of the Repressed Russian Germans.” Within the framework of the project, collective monographs on the corrective labor camps (ITLs) of the Urals were published and an electronic database of about 100 000 persons was created based on the materials of record files of forced labor camps. The purpose of this article is to familiarize readers with the results of the comparative analysis of social portrait of the persons mobilized for labor in several camps in the Urals according to the generally accepted parameters related to the contents of the primary source, the latter being registration cards of special contingent in the archives of law enforcement agencies. Archival sources of the corrective labor camps of the Gulag and electronic databases that were compiled in the process of preparing the Books of Memory in the period from 1999 to 2021 constitute the information basis for creating a social portrait of repression victims and comparative analysis. The conceptual apparatus of new social history, prosopographical and historical comparative methods as well as methods of historical informatics are the main methodological tools of the research. The sources, dynamics and stages of the intake of persons mobilized for labor were determined; the range of nationalities that made up this contingent was identified, age and sex, place of birth, social origin, level of education, party affiliation, employment before mobilization were analyzed as well as causes and level of departure from the camp and mortality rate; the percentage of the arrested and convicted was established; the dynamics of demobilization and release from labor camps was traced. As a result of the study, the specific features of social portrait were revealed depending on the place, time, and production purpose of the camp. The composition of the special contingent of all camps was complex. It was represented by such categories as prisoners, persons mobilized for labor duty, prisoners of war, and internees. Numerically, prisoners and labor armyists predominated. Despite the special status of labor armyists, which was intended to somehow alleviate their situation, all of them were engaged in forced labor in the conditions of the camp regime together with the rest of special contingent. The labor of free employees constituted an insignificant percentage in the construction of industrial facilities and timber harvesting. The article focuses on the reconstruction of the social portrait of the persons mobilized for labor duty in certain labor camps of the Urals. The solution of this problem made it possible to reveal the generalized characteristics of the social portrait of labor armyists as a whole. Main socio-demographic characteristics of this category of special contingent are associated with Russian Germans and practically coincide with the results of the 1939 census. However, a fundamentally important difference is that our observations focus not on the German national minority within the USSR but on Russian Germans as a part of special contingent of forced labor camps. In accordance with this task, generalized characteristics of the persons mobilized for labor duty were revealed. The significance of the study is determined by the introduction into the historiographical circulation of prosopographical databases that were combined on the basis of comparative analysis.

Keywords: Gedenkbuch project, corrective labor camp, special contingent, persons mobilized for labor duty, Russian Germans, electronic databases, prosopographical method, social portrait

For citation: Kirillov, V.M., and S.L. Razinkov. “Social portrait of persons mobilized for labor in the forced labor camps of the Urals, 1941–1946.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 4 (2022): 1252–90, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-4>

Введение

Определяя актуальность предмета нашего исследования, мы исходили из состояния разработанности его в современной историографии. С начала 1990-х гг. историки быстро продвинулись в исследовании пенитенциарной системы 1930–40-х гг. в пределах Уральского региона¹. Однако просопографические базы данных по персоналиям репрессированных создавались в редких случаях. В качестве примера мы можем назвать книги памяти жертв политических репрессий в Пермском крае и Свердловской области. Таким образом, научное изучение проблемы социального портрета тесно перекликается с решением задачи увековечения памяти репрессированных граждан СССР.

Лаборатория исторической информатики Нижнетагильского государственного социально-педагогического института с 2000 г. работает над проектом «Gedenkbuch: Книга памяти репрессированных российских немцев», в рамках которого изданы коллективные монографии по пяти ИТЛ Урала:

---

¹ См., например: *Маламуд Г.Я.* Заключение, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 50-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1998; *Смыкалин А.С.* Пенитенциарная система советской России 1917 – начала 60-х гг.: историко-юридическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уральская государственная юридическая академия, 1998; *Разинков С.Л.* Социальный портрет и судьбы советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, 2001; *Суслов А.Б.* Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2004; *Пажит Ю.Ю.* Заключение, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2005; *Гончаров Г.А.* Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинский государственный университет, 2006; *Саранча Г.А.* Режим содержания заключенных в лагерях ГУЛАГа 1930–1960 гг. на примере исправительно-трудовых лагерей Пермской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Удмуртский государственный университет, 2010; *Krieger V.* Bundesbürger russlanddeutscher Herkunft. Historische Schlüsselerfahrungen und kollektives Gedächtnis. Münster: Lit-Verlag, 2013; *Krieger V.* Rotes deutsches Wolgaland: Zum 100. Jubiläum der Gründung der Wolgadeutschen Republik: eine populärwissenschaftliche Darstellung. Düsseldorf: VIRA e.V., 2018; *Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956* / Herausgegeben von A. Eisfeld, V. Herdt. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996; *Bruhl V., Wanner M.* Gedenkbuch Altai und Omsk. Staatsterror an den Deutschen in den Regionen Altai und Omsk. 1919–1953. Nürnberg: Druckerei Theodor Schobert, 2009; *Washkau N.E.* Deportation of Russian Germans in 1941 and its Consequences // *Journal of the American Historical Society of Germans from Russia*. 2008. Vol. 31, № 4. P. 5–14.

Тагиллаг, Богословлаг, ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой, Севураллаг, Востураллаг, готовится издание по Ивдельлагу и создана электронная база данных объемом около 100 тыс. персоналий, основанная на материалах учетных картотек лагерей принудительного труда. Проводится исследование социального портрета трудмобилизованных в ИТЛ Урала в период 1941–1946 гг.

Целью настоящей статьи является ознакомление читателей с результатами сравнительного анализа социального портрета трудмобилизованных нескольких лагерей Урала по общепринятым параметрам, связанным с содержанием первоисточника – учетных картотек спецконтингента в архивах силовых ведомств.

Изучение социального портрета репрессированных напрямую коррелирует с доступностью первоисточников – картотек и фондов личных дел спецконтингента в бывших архивах ГУЛАГа. Именно с этим связаны трудности в изучении проблемы.

Информационной базой сравнительного анализа и создания социального портрета репрессированных послужили архивные источники ИТЛ ГУЛАГа и электронные базы данных (далее – ЭБД), сформированные в процессе создания Книг памяти в период с 1999 по 2021 гг.²

В качестве основных методологических средств исследования используются понятийный аппарат новой социальной истории, просопографический и историко-сравнительный методы, а также методы исторической информатики.

Основная часть

В годы советской власти на Урале были созданы и функционировали многочисленные лагерные системы. Первые концлагеря действовали с 1919 по

---

² ЭБД «Трудармейцы Тагиллага», «Трудармейцы Богословлага», «Трудармейцы ИТЛ БКС-ЧМС», «Трудармейцы Севураллага», «Трудармейцы Востураллага» и «Трудармейцы Ивдельлага» находятся в архиве лаборатории «Историческая информатика» Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Нами изданы книги памяти: *Gedenkbuch: «Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага»* / авторы-составители В.М. Кириллов и др. Екатеринбург: ОАНРН, НТГСПА, 2004; *Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946 гг.: в 2 т.* / авторы-составители В.М. Кириллов и др. Москва: РНД; Нижний Тагил: НТГСПА, 2008; *Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942–1946: в 4 т.* / авторы-составители: В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова. Москва: МСНК; Нижний Тагил: НТГСПА, 2011; *Кириллов В.М., Разинков С.Л.* и др. Фрицляндия на Урале. Российские немцы в лагере принудительного труда Бакаллаг-Челябметаллургстрой. 1942–1946. Москва: Политическая энциклопедия, 2018 и др.

1922 г. В 1929 г. началась вторая «волна» создания лагерей, которые получили статус исправительно-трудовых пенитенциарных учреждений.

На территории современной Пермской области действовало 17 ИТЛ; в Свердловской области, начиная с 1937 г., возникло 8 ИТЛ, Челябинской – 7 ИТЛ и 17 ИТК, Оренбургской – 1 ОЛП (отдельный лагерный пункт. – *Прим. ред.*) и 4 ИТК, Удмуртии – 3 ИТЛ, Башкирии – 3 ИТЛ. В Уральском регионе с 1928 по 1941 гг. образовано 17 ИТЛ, с 1942 по начало 1960-х гг. – 38 ИТЛ³.

Объектами сравнительного анализа в нашем исследовании являются шесть крупных лагерей принудительного труда на Урале: Тагиллаг, Богословлаг, ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой (далее – ИТЛ БКС-ЧМС), Севураллаг, Востураллаг и Ивдельлаг, в свете специфики использования ими такой категории спецконтингента, как трудмобилизованные немцы.

Первая крупная лагерная система в пределах Свердловской области – Ивдельлаг – начала формироваться по приказу НКВД от 16.08.1937 г. Средне-списочный состав лагеря на 1 января 1938 г. составлял 16 230 чел., а на 1 января 1939 г. – 20 162 чел.⁴

По приказу НКВД от 05.02.1938 г. начала создаваться еще одна мощная лагерная система – Севураллаг (на территории 12 районов общей площадью 110 тыс. кв.км). Его Управление перемещалось из г. Туринска в г. Ирбит, а затем в п. Сосьва. Общая площадь лесов, переданных в эксплуатацию лагерю, составила 5 417 883 га. На 1 февраля 1939 г. в Севураллаге числилось 27 042 заключенных⁵.

Ивдельлаг и Севураллаг использовали труд около 50 тыс. заключенных. В структуре этих лагерей насчитывалось почти 100 подразделений, десятки из которых впоследствии превратились в самостоятельные лагеря – Богословлаг, Тавдинлаг, Лобвинлаг, Востураллаг и др.

Севураллаг по приказу от 08.05.1942 г. был разделен на Северо-Уральский и Восточно-Уральский ИТЛ. Последний объединил 9 отделений, насчитывавших 62 лагерных подразделения, которые были расположены на территории 3-х районов⁶. С 08.05.1942 г. по с 04.03.1947 г. ИТЛ входил в Управление лагерей лесной промышленности (УЛЛП) НКВД, с 04.03.1947 г. по 02.04.1953 г. – в ГУЛЛП ГУЛАГа, затем – в систему МВД, в рамках которой и просуществовал до начала XXI в.

³ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник / составитель М.Б. Смирнов. Москва: Звенья, 1998.

⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник. С. 227.

⁵ Политико-экономическая характеристика ИТЛ НКВД 1941 // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп 1. Д. 853. Л. 109, 109 об, 17.

⁶ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник. С. 389, 195.

По приказу НКВД от 15.11.1940 г. был организован Богословлаг. В 1942 г. он перешел в подчинение Главпромстрою НКВД⁷. В 1941–1945 гг. в ИТЛ прибыло 49 899 чел. заключенных и 20 711 немцев-трудармейцев (29,3 % от всего спецконтингента).

Тагиллаг был создан в ноябре 1941 г. и подчинялся Главпромстрою НКВД. За период 1942–1945 гг. в Тагиллаг прибыло 95 765 заключенных, а также 7 249 трудмобилизованных немцев. Общий контингент ИТЛ составил 103 014 чел., в том числе трудармейцев – 7 %⁸.

В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31.08.1941 г. был организован Бакалстрой – Бакаллаг НКВД. Первоначально строительство подчинялось Наркомстрою СССР, а в ноябре 1941 г. было передано в ведение Особстроя НКВД. В январе 1942 г. под новым названием – Бакалстрой – Челябинметаллургстрой переподчинен Главпромстрою НКВД⁹. В составе спецконтингента этого лагеря в период с 1942 по 1946 г. побывало более 90 000 человек, из них – 37 086 советских немцев (41,2 %).

Наблюдается определенная специфика в источниках и численности поступивших в ИТЛ контингентов трудмобилизованных немцев. Через Севураллаг с 1942 по 1944 г. прошло 10 224 чел., через Востураллаг за то же время – 7 315 чел., Ивдельлаг с 1941 по 1945 г. – 17 827 чел., Тагиллаг с 1942 по 1946 г. – 7 249 чел., Богословлаг с 1941 по 1946 г. – 20 711 чел., ИТЛ БКС-ЧМС с 1942 по 1946 г. – более 37 000 чел.

Прослеживается ряд особенностей в наполнении трудмобилизованными лагерей Урала. Первые их партии поступили в ИТЛ в 1941 г. – в сентябре в Богословлаг (из южных районов Украины, Северного Кавказа и других районов страны¹⁰), в октябре – в Ивдельлаг (из Украины и Молдавии)¹¹. В

---

⁷ Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946 гг.: в 2 т. Т. 1. С. 25, 26.

⁸ Карточки учета движения заключенных 1942 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 381. Л. 8, 8 об.; Карточки учета движения заключенных 1943 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 398. Л. 8, 8 об.; Карточки учета движения заключенных 1944 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 414. Л. 6, 6 об.; Карточки учета движения заключенных 1945 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 432. Л. 7, 7 об.; ЭБД «Трудармейцы Тагиллага».

⁹ Приказы по Стройуправлению Бакалметаллургстроя за 1941 год // Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 1619. Оп. 1. Д. 1. Л. 41–65; Приказы по ЧМС НКВД 1942 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 134. Л. 28.

¹⁰ Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 31.08.1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», 18 600 немцев-мужчин призывного возраста были мобилизованы в строительные батальоны и направлены на объекты НКВД (Ивдельлаг, Богословлаг, Соликалаг и Кимперсайлаг). На самом деле среди них оказались лица разных национальностей.

Сеураллаг трудмобилизованные прибыли в апреле 1942 г., в Тагиллаг и в ИТЛ БКС-ЧМС – в феврале 1942 г. в рамках первой массовой мобилизации, инициированной постановлением Государственного комитета обороны № ГКО-1123сс от 10.01.1942 г. В дальнейшем ИТЛ пополнялись за счет второй («местные немцы») и третьей (депортированные в Сибирь и Среднюю Азию) волн массовых мобилизаций зимы и осени 1942 г. Третья мобилизация осени 1942 г. не затронула Богословлаг и Тагиллаг.

Контингент трудармейцев Богословлага во время массовых мобилизаций на 100 % пополнился из Омской области, контингент Тагиллага формировался из депортированных поволжских и украинских немцев Казахстана и Сибири, «местных» немцев Урала и Сибири (Свердловской, Омской, Тамбовской и Челябинской областей), женщин и мужчин, мобилизованных в трудовую армию из Омской области и Красноярского края в сентябре 1943 г. Следует отметить, что демобилизованные из РККА немцы-военнослужащие первоначально оказались во внутренних строительных частях Урала, а уже весной-летом 1942 г. стали трудармейцами¹².

В ИТЛ БКС-ЧМС поступали российские немцы, депортированные из Украины и Молдавии, Поволжья, Кавказа, юга и северо-запада России, а также из числа перемещенных в Казахстан, Среднюю Азию, на Урал «местных немцев» Сибири и Дальнего Востока¹³.

На первом месте по количественному составу поступавших партий стояли первый и второй массовые призывы (69,2 %), третий призыв (10,7 %), затем следовали отозванные из РККА (3,4 %), прибывшие из мест заключения (2 %) и переведенные с других объектов НКВД (5,3 %).

Основными поставщиками рабочей силы для Сеураллага-Востураллага стали Казахская ССР, Сибирь (Алтайский край), Поволжье – Волго-Вятский регион. В Сеураллаг в результате первых двух массовых призывов прибыло 66 % трудмобилизованных, третьего – 5,4 %, из числа отозванных из РККА – 0,1 %, из мест заключения – 1 %, переведено с других объектов НКВД – 0,6 %, нет данных об источнике поступления – 26,9 %¹⁴.

---

¹¹ Политический отдел Ивдельспецлеса МВД СССР. Переписка с ГУЛАГом НКВД. 1942 год // Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 5248. Оп. 1. Д. 53. Л. 75; Карточки учета расстановки мобилизованных немцев в рабочих колоннах в лагерях НКВД. 1943 г. // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172; ЭБД «Трудармейцы Ивдельлага».

¹² ЭБД «Трудармейцы Тагиллага».

¹³ ЭБД «Трудармейцы ИТЛ БКС-ЧМС».

¹⁴ ЭБД «Трудармейцы Сеураллага».

По Востураллагу несколько иная картина. Первые два массовых призыва сформировали 37,8 % общего контингента, третий призыв – 10,4 %, из мест заключения – 5,4 %, с объектов НКВД – 11,7 %, нет данных – 34,7 %¹⁵.

Несмотря на то, что картотеки различных ИТЛ, а также отчетные документы ГУЛАГа применительно к избранной нами категории спецконтингента имеют общее название «трудмобилизованные немцы», в них тем не менее содержатся сведения о людях разных национальностей.

Самым многонациональным являлся состав трудмобилизованных ИТЛ БКС-ЧМС – 38 национальностей (84,6 % составляли немцы, а кроме них были финны, карелы, румыны, молдаване, болгары, венгры, русские, украинцы, итальянцы, евреи, австрийцы, поляки, эстонцы, литовцы, латыши и др.). В Тагиллаге немцев среди трудармейцев насчитывалось 97,1 %, Богословлаге – 98,9 %, Севураллаге – 97,4 %, Ивдельлаге – 89,5 %¹⁶.

Национальный состав трудмобилизованных Востураллага характеризуется следующим образом: немцев – 95,99 %, австрийцев – 0,1 %, азербайджанцев – 0,03 %, американцев – 0,01 %, армян – 0,01 %, болгар – 1,71 %, венгров – 0,18 %, греков – 0,37 %, евреев – 0,11 %, кабардино-балкарцев – 0,01 %, карел – 0,04 %, китайцев – 0,01 %, корейцев – 0,04 %, латышей – 0,01 %, мадьяр – 0,01 %, молдаван – 0,08 %, поляков – 0,15 %¹⁷.

Следовательно, Богословлаг по составу был преимущественно «немецким» ИТЛ. Практически равны по количеству трудмобилизованных лиц немецкой национальности – Тагиллаг, Севураллаг и Востураллаг.

В Ивдельлаге также преобладали трудармейцы-немцы (более 95 % – с учетом персон, сведения о национальности которых отсутствуют в журналах учета трудармейцев, но которые в своем подавляющем большинстве являлись немцами, судя по персональным данным). Отличительной особенностью контингента этого лагеря можно считать значительное количество молдаван (3 %).

Призывом в трудармию были затронуты практически все слои и группы граждан СССР немецкой национальности, которые отличались их принадлежностью к определенному мобилизационному потоку и локализацией объекта НКВД.

Мобилизованные советские немцы находились в наиболее трудоспособном возрасте (мужчины – 15–55 лет, женщины – 16–45 лет). В ходе анализа половозрастного состава трудармейцев мы учитывали следующее

¹⁵ ЭБД «Трудармейцы Востураллага».

¹⁶ ЭБД «Трудармейцы Бакалстроля-Челябметаллургстроля», «Трудармейцы Тагиллага», «Трудармейцы Богословлага», «Трудармейцы Севураллага», «Трудармейцы Ивдельлага».

¹⁷ ЭБД «Трудармейцы Востураллага».

обстоятельство: женщин мобилизовали преимущественно на объекты других наркоматов, что привело к их меньшей, по сравнению с мужчинами, численности и неравномерности распределения в лагерях НКВД. В ИТЛ БКС-ЧМС количество женщин составило 4,2 % от общего количества трудармейцев лагеря, в Тагиллаге – 15 %, в Богословлаге – лишь 0,5 %¹⁸, в Севураллаге – 5,8 %, в Востураллаге – 22,6 %, Ивдельлаге – 5,7 %.

В ходе анализа распределения трудармейцев по возрастным категориям были получены следующие результаты. В Тагиллаге наибольший процент среди трудмобилизованных лиц немецкой национальности составляли 15–18-летние – среди мужчин 14,8 %, женщин – 34,7 %. Преобладала возрастная категория от 15 до 38 лет – мужчины – 78,5 %, женщины – 86,9 %, в среднем – 80 % (приведены данные по возрастной когорте от 15 до 18 лет, с учетом того, что женщин мобилизовали с 16 до 45 лет). Были и те, кто «выпадал» за пределы возраста призываемых (до 15 лет и свыше 55) – примерно 0,4 %.

В Богословлаге наибольший процент мобилизованных в возрасте от 15 до 39 лет составил 78,5 %. «Выпадающих» за пределы призываемых возрастов насчитывалось более 1 %.

В ИТЛ БКС-ЧМС призванных в возрасте до 20 лет насчитывалось 15,7 %, в возрасте 50 лет и старше – 2,1 %. Наибольший процент составляли призванные в возрастном интервале от 20 до 40 лет – 79,5 %.

В Севураллаге призванных до 20 лет насчитывалось 16,47 %, в возрасте 50 лет и старше – 2,91 %, в возрастном интервале от 20 до 40 лет – 77,2 %.

В Востураллаге призванных в возрасте до 20 лет было 21,5 %, старше 50 лет – 2,91 %, в интервале от 20 до 40 лет – 80,68 %.

Существуют определенные различия в местах рождения трудмобилизованных по шести ИТЛ: в Богословлаге это преимущественно (по убывающей в процентном отношении) Поволжье, Украина–Молдавия–Крым, Западная Сибирь, Северный Кавказ, Казахстан, Дальний Восток–Восточная Сибирь. В Тагиллаге – Поволжье, Украина–Молдавия–Крым, Северный Кавказ, Казахстан, Закавказье, Ленинградская область. В ИТЛ БКС-ЧМС – Украина–Молдавия–Крым, Поволжье, Северный Кавказ–Юг России, Ленинградская область, Казахстан, Финляндия. В Севураллаге – Поволжье, Украина–Молдавия–Крым, Закавказье, Казахстан, Юг России, Сибирь–Дальний Восток.

В Востураллаге картина аналогична с Севураллагом. В Ивдельлаге – Поволжье (60,1 % трудармейцев), Украинская и Молдавская ССР (10 %), Юг

¹⁸ ЭБД «Трудармейцы ИТЛ БКС-ЧМС»; ЭБД «Трудармейцы Тагиллага»; ЭБД «Трудармейцы Богословлага».

России и Кавказ (5,7 %), Сибирь (3,3 %), Казахстан и Средняя Азия (0,7 %), Урал (0,3 %), за пределами СССР (0,4 %), Ленинградская обл. и Прибалтика (0,3 %), Центральная Россия (0,5 %), Белорусская ССР (0,1 %).

Учитывая высокую социальную мобильность населения СССР в 1920–1930-е гг., достаточно трудно установить критерии принадлежности человека к тому или иному социальному слою. В директивных документах партийного учета 1920-х гг. для определения важнейшей характеристики человека по социально-классовой принадлежности допускалось использовать два подхода. Первый определял социальное положение коммуниста на основе того занятия, которое являлось источником его существования наиболее продолжительное время. Вторым подходом социальной идентификации коммуниста учитывал род его деятельности на момент вступления в ВКП(б).

Значительно затрудняют социальную идентификацию трудмобилизованных такие факторы, как второстепенность указанного признака в системе учета мобилизованных немцев в лагерях НКВД, низкая квалификация работников Учетно-распределительного отдела ГУЛАГа, а также стремление трудармейцев скрыть свою подлинную биографию, дабы не вызвать дополнительных репрессий. Кроме того, к фактам, затрудняющим идентификацию, следует отнести слабое знание русского языка значительной частью мобилизованных немцев, проживавших до этого в компактных этнических образованиях.

Одной из особенностей системы лагерного учета являлось замещение информации о социальном происхождении человека данными о его социальном положении. По этой причине, подавляющее большинство трудармейцев, относимых в учетных карточках к колхозникам, таковыми не являлись, так как родились до 1917 г. Сведения о социальном происхождении трудармейцев характеризуются, на наш взгляд, недостаточной информативностью и конкретностью в отношении их социального и имущественного статуса. Только незначительная часть советских немцев, занимавшихся сельским хозяйством, была отнесена к определенным категориям крестьянства. При этом их соотношение в разных ИТЛ заметно различалось (см. табл. 1). Реальная картина социально-имущественной дифференциации немецкого крестьянства в начале XX в. была иной, чем зафиксировано в данной таблице. Их зажиточность отмечается в большинстве работ отечественных ученых¹⁹.

¹⁹ См., например: *Плеве И.Р.* и др. История немцев России. Москва: МаВи групп, 2020. С. 231; *Фурман Е.Л.* Советская власть и крестьянство в республике немцев Поволжья в 1920-х годах // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: материалы XV Международной научно-практической конференции (Маркс, 5–9 августа 2015 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2016. С. 176–188; *Малиновский Л.В.* Немецкая деревня Сибири накануне коллективизации // Образование, жизнь и судьба

Таблица 1

Социальная принадлежность трудмобилизованных Богословлага, Тагиллага, Севураллага, ИТЛ БКС-ЧМС, Ивдельлага*

Социальная принадлежность	Богословлаг		Тагиллаг		Севураллаг		ИТЛ БКС-ЧМС		Ивдельлаг	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
крестьяне	15 729	81,1	3 930	76,2	5 737	69,8	22 772	70,8	10 042	83,4
в том числе:										
батраки	272	7,0	11	6,0	39	2,6	205	2,9	251	4,6
бедняки	2 054	52,5	65	35,7	1 024	68,3	3 663	51,3	2 924	53,5
средняки	1 538	39,3	27	14,8	407	27,1	2 264	31,7	1 985	36,3
кулаки	15	0,4	0	0,0	4	0,3	235	3,3	15	0,3
колхозники	31	0,8	79	43,4	26	1,7	771	10,8	287	5,3
рабочие	2 905	15,0	939	18,2	1 959	23,8	7 640	23,7	1 502	12,5
служащие	699	3,6	278	5,4	506	6,2	1 670	5,2	474	3,9
торговцы	0	0,0	0	0,0	2	0,0	4	0,0	4	0,0
кустари	60	0,3	4	0,1	4	0,0	91	0,3	21	0,2
мещане	0	0,0	0	0,0	6	0,1	4	0,0	0	0,0
прочие	12	0,1	9	0,2	0	0,0	5	0,0	0	0,0
Всего:	19 405	100	5 160	100	8 214	100	32 186	100	12 043	100
нет данных	1 306	–	1 549	–	1 753	–	4 900	–	5 784	–
Итого:	20 711	–	6 709	–	9 967	–	37 086	–	17 827	–

*Примечание. Источником сведений, указанных в табл. 1, служат учетные картотеки ИТЛ и ЭБД трудмобилизованных Богословлага, Тагиллага, Севураллага, ИТЛ БКС-ЧМС и Ивдельлага.

Таким образом, из вышесказанного следует заключение, что информация, которая содержится в ЭБД, может быть пригодна для характеристики социальной принадлежности мобилизованных немцев лишь на уровне самых общих социально-классовых показателей (крестьяне–рабочие–служащие). Экстраполяция выводов, исходя из анализа указанных признаков трудармейцев конкретного ИТЛ, на всю общность трудармейцев возможна лишь с учетом специализации и географического положения каждого лагеря.

Социальная принадлежность трудмобилизованных Востураллага характеризуется следующим образом: крестьяне – 48,3 % (из них: батраки – 0,3 %, бедняки – 14,3 %, середняки – 5,6 %, кулаки – 0,1 %, колхозники –

немецких поселений в России: материалы XV Международной научно-практической конференции (Маркс, 5–9 августа 2015 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2016. С. 198–204.

0,8 %), рабочие – 18,9 %, служащие – 5,1 %, кустари – 0,1 %, нет данных – 6,6 %.

Нами проведен сравнительный анализ уровня образования по шести ИТЛ Урала в соотношении с данными Всесоюзной переписи населения 1939 г. По его результатам, образовательный уровень трудармейцев был самым высоким в Тагиллаге, самым низким – в Севураллаге, Востураллаге и Ивдельлаге. Это различие можно объяснить особенностями трудовой мобилизации на стройки Главпромстроя и в лагеря Управления лесной промышленности (в первом случае – более образованных людей, во втором – менее). Труднее объяснить, почему образовательный уровень трудармейцев Тагиллага превышал показатели Богословлага (ведь и тот, и другой относились к Главпромстрою НКВД) и превышал показатели, зафиксированные в материалах переписи 1939 г. для немцев РСФСР 20–50-летнего возраста.

Так, в Тагиллаге лиц с высшим образованием насчитывалось 3 %, средним законченным – 19,1 %, средним незаконченным – 16,2 %, низшим (начальным) – 44,2 %, малограмотных – 11,5 %, неграмотных – 6 %. В Богословлаге, соответственно – 1,9 %; 16,5 %; 10 %; 48,2 %; 17,2 %; 6,2 % .

В ИТЛ БКС-ЧМС картина несколько иная: лиц с высшим образованием – 2 %, высшим незаконченным – 0,7 %, средним законченным – 6,1 %, средним незаконченным – 12,6 %, низшим (начальным) – 54,4 %, малограмотных – 16,8 %, неграмотных – 7,4 %. В Севураллаге, согласно тем же параметрам: 1,94 %; 0,75 %; 6,94 %; 26,46 %; 36,55 %; 20,3 % и 4,16 %.

Образовательный уровень трудармейцев Востураллага был довольно низок: среди них доля лиц, имевших высшее образование, составляла всего 1,4 %. Женщин с высшим образованием было еще меньше – 0,5 %. Начальное образование было у 48,4 % трудмобилизованных, малограмотных насчитывалось 2,15 %, неграмотных – 4 %, нет данных – 7,9 %.

В Ивдельлаге доля трудармейцев с высшим образованием составляла 0,8 %, имеющих среднее профессиональное или незаконченное высшее – 1,4 %, общее среднее и среднее незаконченное – 20,2 %, начальное (низшее) – 52,9 %, малограмотных – 16,5 %, неграмотных – 8,2 %.

Для сравнения, по данным переписи 1939 г., доля лиц с высшим образованием составляла среди немцев 1,1 % (на 1 000 чел.), со средним законченным – 10,5 %²⁰.

Возможности учетных карточек и сформированных на их основе ЭБД позволяют нам проанализировать распределение немцев-трудармейцев по

---

²⁰ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия / составители В.Б. Жиромская и др. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. С. 12, 23; табл. 25.

признаку партийной принадлежности. Их процентное соотношение в ИТЛ было примерно одинаковым (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение немцев трудармейцев ИТЛ БКС-ЧМС, Богословлага, Тагиллага, Севераллага, Востураллага, Ивдельлага по признаку партийной принадлежности*

Партийная принадлежность	Севераллаг (чел./%)	Востураллаг (чел./%)	БКС-ЧМС (чел./%)	Тагиллаг (чел./%)	Богословлаг (чел./%)	Ивдельлаг (чел./%)
член ВКП(б)	183/1,8	86/1,18	706/1,90	132/1,97	356/1,72	230/1,3
кандидат в члены ВКП(б)	75/0,8	34/0,46	173/0,47	39/0,58	96/0,46	85/0,5
член ВЛКСМ	423/4,2	269/3,68	1 566/4,22	273/4,07	786/3,79	364/2,0
бывший член ВКП(б)	16/0,2	7/0,10	–	–	–	6/0,03
бывший член ВЛКСМ	19/0,2	33/0,45	–	–	–	36/0,2
члены иностранных компартий	–	–	5/0,01	9/0,13	4/0,02	–
Всего немцев-трудармейцев	9 967/100	7 315/100	37 086/100	6 704/100	20 711/100	17 827/100

*Примечание. Источником сведений, указанных в табл. 2, служат ЭБД трудармейцев ИТЛ.

Одной из составляющих социального портрета является сфера трудовых занятий до мобилизации. Как правило, в учетных карточках фиксировалось занятие, которое отличалось от основной профессии или последней занимаемой трудармейцем до мобилизации должности. Нередко указывалось несколько специальностей, например, плотник-счетовод-кассир, тракторист-молотобоец, токарь-комбайнер, столяр-техник-животновод, кузнец-сапожник-шорник и др. Безусловно, основной массе трудмобилизованных пришлось сменить свои профессии и специальности в соответствии с потребностями лагеря.

По этой причине мы не делали сплошных выборок из всех ЭБД, а использовали их для примера по четырем ИТЛ. В Богословлаге и Тагиллаге наиболее распространенными занятиями были: трактористы (1 189 и 266 чел. соответственно); плотники, столяры (559 и 115); токари и слесари (546 и 117); шоферы (313 и 64); учителя, преподаватели (308 и 88); комбайнеры и их помощники (167 и 38); бухгалтеры (130 и 36).

В Севураллаге и Востураллаге основную массу среди трудармейцев составляли колхозники (3,5 % и 4,3 %), чернорабочие и разнорабочие (3,2 % и 1,5 %), из более квалифицированных профессий – трактористы, комбайнеры, шоферы, ветеринары, зоотехники, животноводы; плотники, столяры, металлисты: слесари, токари, автослесари, жестянщики, кузнецы (6,3 % и 4,9 %); учителя, машинисты, сапожники, шорники, счетоводы и бухгалтеры. Следует подчеркнуть, что сведения об указанном признаке отсутствуют для более чем половины трудармейцев, что связано с неадекватной системой лагерного учета. Принимая во внимание лесной профиль лагерей, интересно отметить, что опыт лесозаготовительной работы имели только 0,2–0,3 % трудармейцев.

Актуальным вопросом анализа социального портрета являются причины выбытия из ИТЛ и уровень смертности. В связи с устоявшимся мнением выживших трудармейцев о более высокой смертности среди них по сравнению с заключенными, можно привести достаточно объективные данные лагерного учета. Например, в Тагиллаге с 1942 по 1945 г. умерло 9,7 % трудармейцев, а заключенных – 20 %. В то же время из контингента трудмобилизованных демобилизовано по инвалидности 8,4 %, демобилизовано без указания причин 3 %, арестовано 5,1 %, отсутствуют данные на 9,1 %²¹.

В Богословлаге смертность среди трудармейцев достигла 18,1 %, число демобилизованных – 29,8 %, арестовано 4 %, нет данных – 0,8 %. Смертность среди заключенных составила 22 %²².

Соответствующие показатели по трудмобилизованным ИТЛ БКС-ЧМС представлены следующими цифрами: умерло 17,3 %, демобилизовано, освобождено по инвалидности – 34,7 %, осуждено – 8,5 %, бежало – 2,4 %, этапировано – 22,4 %, прочее – 0,4 %. Процент смертности для заключенных составил – 5,15 %. Спецификой этого лагеря является то, что в самый тяжелый период существования ИТЛ заключенных в нем было значительно меньше, чем трудмобилизованных.

В Севураллаге умерло 5,01 % трудмобилизованных, демобилизовано – 6,28 %, переведено на другие объекты НКВД – 50,19 %, убыло на

---

²¹ ЭБД трудармейцев Тагиллага; Карточки учета движения мобилизованных немцев 1942 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 381. Л. 8, 8 об.; Карточки учета движения мобилизованных немцев 1943 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 398. Л. 8, 8 об.; Карточки учета движения мобилизованных немцев 1944 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 414. Л. 6, 6 об.; Карточки учета движения мобилизованных немцев 1945 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 432. Л. 7, 7 об.

²² Карточки учета движения мобилизованных немцев 1942–1945 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 381. Л. 6 об.; Д. 398. Л. 6 об.; Д. 414, Л. 4 об.; Д. 436. Л. 5 об.

промышленные предприятия – 12,82 %, в ОСП УМВД – 7,63 %, арестовано, осуждено – 2,23 %, бежало – 0,22 %, нет данных – 15,63 %.

В Востураллаге умерло 11,26 % трудмобилизованных, демобилизовано – 28,76 %, переведено на другие объекты НКВД – 28,6 %, убыло на промышленные предприятия – 12,88 %, в ОСП²³ УМВД – 5,19 %, арестовано, осуждено – 6,22 %, бежало – 1,13 %, взято в РККА – 2,28 %, нет данных – 3,66 %.

В Ивдельлаге умерло – 2 890 чел. (16,2 %), демобилизовано – 3 785 чел. (21,2 %), переведено на другие объекты НКВД и гражданские наркоматы – 1 844 чел. (10,3 %), убыло на промышленные предприятия после освобождения из трудармии – 3 229 чел. (18,1 %), передано в ОСП УМВД – 1 224 чел. (6,9 %), арестовано, осуждено – 994 чел. (5,6 %), бежало – 64 чел. (0,4 %), взято в РККА – 113 чел. (0,6 %), нет данных – 3 684 чел. (20,7 %).

Заметно отличающиеся показатели смертности в Севураллаге и Востураллаге можно объяснить тем, что их инфраструктура была создана еще в конце 1930-х гг., а лагеря Главпромстроя (Тагиллаг, Богословлаг, ИТЛ БМК-ЧМС) строились руками самих заключенных в тяжелейшее время начала войны. Повышенная смертность в Ивдельлаге (открытом в 1937 г.) напрямую связана с тем, что это был лагерь особого, штрафного режима.

В связи с показателями убытия из ИТЛ очень важно обратить внимание на категории демобилизованных и освобожденных по инвалидности. Наибольшей численности данные учетные группы достигли в ИТЛ БКС-ЧМС (34,7 %), Богословлаге (29,8 %), Востураллаге (28,76 %), Ивдельлаге (21,2 %). Фактически трудармейцы этой категории находились перед демобилизацией на грани смерти в силу дистрофии или других тяжелейших заболеваний. Им вручали сухой паек, рассчитанный на несколько дней пути в места депортации (Казахстан, Сибирь), который они съедали почти сразу, из-за чего живыми доезжали до места назначения лишь немногие из них.

Еще одной важной характеристикой социального портрета трудмобилизованных являются показатели арестов и осуждения в ИТЛ. Репрессии против советских немцев последовательно разворачивались в ходе кампаний по раскулачиванию, по борьбе с финансовой помощью Германии и связанными с нею эмиграционными настроениями в период голода 1932–1933 гг.²⁴, по обвинениям в шпионаже в период проведения «немецкой

²³ Отдел спецпоселений ГУЛАГа.

²⁴ В помощь голодающим немцам в СССР германское правительство летом 1933 г. ассигновало 17 млн марок. В банках открылся специальный счет «Братья в нужде», на который в числе первых внесли личные деньги президент Германии П. фон Гинденбург и канцлер А. Гитлер. См.: *Плеве И.Р.* и др. История немцев России. С. 355.

операции» НКВД 1937–1938 гг. и в прямом пособничестве фашистам согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г., послужившему основанием для депортации.

По этим причинам практически весь период нахождения в трудармии сопровождался арестами и осуждениями трудмобилизованных немцев за антисоветскую, враждебную деятельность. Дополнительные возможности для лагерных оперчекотделов в арестах трудармейцев создавали тяжелейшие условия пребывания в ИТЛ, недостаток продовольствия и отсутствие необходимых производственных навыков. По этим причинам число имевших судимость среди трудармейцев значительно возросло. Главными основаниями для обвинений становились кража продуктов питания и предметов жизненной необходимости, дезертирство и саботаж работ, антисоветская агитация.

Содержание электронных баз данных позволяет нам определить количество арестованных и осужденных: в Тагиллаге – 5,1 %; в Богословлаге – 4 %; в ИТЛ БКС-ЧМС – 8,5 %; в Севураллаге – 2,23 %, в Востураллаге – 6,22 %, в Ивдельлаге – 5,6 %²⁵. Таким образом, в шести ИТЛ Урала аресту и осуждению подверглось 5 902 чел. из числа всех трудмобилизованных (6 %).

При работе в архивах бывших лагерей НКВД наша исследовательская группа имела разные возможности. Мы смогли получить доступ к лагерной документации Тагиллага, Богословлага, ИТЛ БКС-ЧМС, а в архивах Востураллага, Севураллага и Ивдельлага удалось поработать только с учетными картотеками трудармейцев. Однако содержание ЭБД позволило нам определить разное время перевода трудмобилизованных на режим спецпоселения: в Тагиллаге – в марте 1946 г., в Богословлаге и ИТЛ БКС-ЧМС – в апреле того же года. Применительно к Востураллагу и Севураллагу мы можем проследить процесс демобилизации и перевода на режим спецпоселения с апреля по октябрь 1946 г.

С этого времени бывшие трудармейцы стали отбывать к своим семьям в Среднюю Азию или Сибирь. Однако более охотно комендатуры НКВД соглашались на перевод членов семей спецпоселенцев на производство бывших лагерей. Например, в Востураллаг в 1946 г. прибыло, согласно записям в учетных карточках, 44 чел. Завершалась история трудармии, продолжалась история спецпоселения, которая длилась до середины 1950-х гг.

²⁵ ЭБД «Трудармейцы Тагиллага».

Заключение

Работа с уникальными историческими источниками и сформированными на их основе электронными базами данных позволила нам выявить общие особенности ИТЛ, попавших в сферу нашего внимания, и обрисовать характеристики коллективного социального портрета трудмобилизованных.

По выделенным нами параметрам проанализированы источники, динамика и этапы поступления трудмобилизованных; определен спектр национальностей, составивших этот контингент; проведен анализ половозрастного состава; места рождения; социального происхождения; уровня образования; партийной принадлежности; трудовых занятий до мобилизации; причин и масштабов убытия из лагеря и смертности; выявлен процент арестованных и осужденных; прослежена динамика демобилизации и освобождения из ИТЛ. В результате исследования выявлена специфика социального портрета в зависимости от места, времени и производственного предназначения ИТЛ.

Из шести ИТЛ, архивные материалы которых нам удалось изучить с разной степенью подробности, три принадлежали к Управлению лагерей лесной промышленности ГУЛАГа. Их инфраструктура была создана в предвоенный период. Другие три лагеря находились в подчинении Главпромстроя НКВД, формировались непосредственно в годы войны вместе со строительством промышленных производств.

Состав спецконтингента всех лагерей был сложным и представлен такими категориями, как заключенные по уголовным и «контрреволюционным» статьям, трудмобилизованные нескольких десятков национальностей, военнопленные, интернированные. В численном отношении преобладали заключенные и трудармейцы. В определенный период времени в двух лагерях (ИТЛ БКС-ЧМС и Ивдельлаг) предпринимались даже попытки превратить их в сугубо «трудармейские».

Несмотря на особый статус трудармейцев (подчеркиваемый в ряде инструкций ГУЛАГа), призванный несколько облегчить их положение, все трудмобилизованные были заняты принудительным трудом и находились в условиях лагерного режима в общем составе спецконтингента. Труд вольнонаемных составлял незначительный процент от участников строительства промышленных объектов и, тем более, лесных разработок.

В нашей статье сделан акцент на реконструкции социального портрета трудмобилизованных в рамках конкретных ИТЛ Урала. Решение этой задачи позволило выявить обобщенные характеристики социального портрета трудармейцев в целом. Основные социо-демографические характеристики этой категории спецконтингента связаны с российскими немцами и практически

совпадают с результатами переписи 1939 г.²⁶ Однако принципиально важным отличием является то, что наши наблюдения концентрируют внимание не на немецком национальном меньшинстве в составе СССР, а на российских немцах как одной из составных частей спецконтингента лагерей принудительного труда.

С этой точки зрения обобщенными характеристиками социального портрета немцев-трудармейцев являются следующие: статус репрессированных по политическим мотивам уже к моменту нахождения в ИТЛ и соответствующее отношение к ним лагерной администрации; положение, отличающееся от заключенных и вольнонаемных согласно инструкциям ГУЛАГа; сохранение партийно-комсомольской прослойки; фактически равное с заключенными состояние применительно к условиям жизни и труда, нормативам питания, уровню смертности; слом и резкое понижение прежнего профессионального и социального статуса, переход в категорию разнорабочих, чернорабочих; распространенность антисоветских настроений; высокий процент арестов по политическим мотивам; акцент большинства лагерных производств на контингент трудмобилизованных, интенсивная эксплуатация их труда (особенно в 1942–1943 гг.); преобладание мужчин; более высокая по сравнению с заключенными дисциплина и производительность труда; сохранение статуса репрессированных после демобилизации и ликвидации «трудармии».

---

²⁶ Проанализированный материал позволяет актуализировать проблему корректировки представлений о российско-немецком этносе, сформировавшихся в результате анализа Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. Однако в рамках нашего исследования данная проблема не решается, поскольку она требует специального внимания к изучению иного комплекса источников. Кроме того, поскольку в составе трудмобилизованных оказались представители нескольких десятков национальностей, встает задача выявления специфики их социо-демографических характеристик. В данной статье мы сосредоточиваем внимание на российских немцах как преобладающей части категории спецконтингента, избранной нами в качестве объекта исследования.

Introduction

While determining the relevance of the subject of our study, we proceeded from the state of its development in modern historiography. Since the early 1990s historians have made rapid progress in the study of the penitentiary system of the 1930s – 1940s within the Ural region.¹ However, prosopographical databases of repression victims were compiled only in rare cases. As an example, We can cite books of memory commemorating the victims of political repression in Perm Krai and Sverdlovsk Oblast. Thus, the scientific study of social portrait is closely connected with the solution of the problem of commemorating the repressed citizens of the USSR.

Since 2000, the Laboratory of Historical Informatics of Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute has been working on the project “Gedenkbuch: Book of Memory of Repressed Russian Germans.” Within the framework of this project, collective monographs on five corrective labor camps in the Urals were published: Tagillag, Bogoslovlag, Bakalstroi-Chelyabmetallurgstroi Corrective labor Camp, Sevurallag, Vosturallag. A publication on Ivdellag is being prepared and an electronic database of about 100 000 persons based on the materials of registration cards of forced labor camps has been compiled. A study of social portrait of the

---

¹ See, e.g.: G.Ya. Malamud, *Prisoners mobilized for labor by the NKVD and special settlers in the Urals in the 1940s – early 1950s* [in Russian] (PhD thesis, Gorky Ural State University, 1998); A.S. Smykalin, *Penitentiary system of Soviet Russia in 1917 – early 1960s: historico-legal research* [in Russian] (Doctoral thesis, Ural State Law Academy, 1998); S.L. Razinkov, *Social portrait and fate of the Soviet Germans – labor armyists mobilized in the camps of the NKVD in the territory of Sverdlovsk Oblast in 1941–1946: an attempt of creating and using an electronic database* [in Russian] (PhD thesis, Institute of History and Archeology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001); A.B. Suslov, *Special contingent in Perm Krai in the late 1920s – early 1950s* [in Russian] (Doctoral thesis, Gorky Ural State University, 2004); Yu.Yu. Pazhit, *Prisoners mobilized for labor by the NKVD of the USSR and special settlers in Sverdlovsk Oblast during the Great Patriotic War* [in Russian] (PhD diss., Gorky Ural State University, 2005); G.A. Goncharov, *Labor army in the Urals during the Great Patriotic War* [in Russian] (Doctoral thesis, Chelyabinsk State University, 2006); G.A. Sarancha, *Regime of confining prisoners in the Gulag camps in 1930–1960 as in the case of corrective labor camps in Perm Oblast* [in Russian] (PhD thesis, Udmurt State University, 2010); V. Krieger, *Bundesbürger russlanddeutscher Herkunft. Historische Schlüsselerfahrungen und kollektives Gedächtnis* (Münster: Lit-Verlag, 2013); V. Krieger, *Rotes deutsches Wolgaland: Zum 100. Jubiläum der Gründung der Wolgadeutschen Republik: eine populärwissenschaftliche Darstellung* (Düsseldorf: VIRA e.V., 2018); A. Einfeld and V. Herdt, comps., *Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956* (Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996); V. Bruhl, and M. Wanner, *Gedenkbuch Altai und Omsk. Staatsterror an den Deutschen in den Regionen Altai und Omsk. 1919–1953* (Nürnberg: Druckerei Theodor Schobert, 2009); N.E. Washkau, “Deportation of Russian Germans in 1941 and its Consequences,” *Journal of the American Historical Society of Germans from Russia*, vol. 31, no. 4 (2008): 5–14.

persons mobilized for labor duty in the camps of the Urals in the period between 1941 and 1946 is being conducted.

The purpose of this article is to familiarize readers with the results of the comparative analysis of social portrait of the persons mobilized for labor in several camps in the Urals according to the generally accepted parameters related to the contents of the primary source, the latter being registration cards of special contingent in the archives of law enforcement agencies.

The study of the social portrait of repression victims directly correlates with the availability of primary sources – cards and collections of personal files of special contingent in the former archives of the Gulag. This is what the difficulties in studying this problem are connected with.

The information base for comparative analysis and producing a social portrait of repression victims was provided by archival sources of the Gulag corrective labor camps and electronic databases that were compiled in the process of preparing the Books of Memory in the period from 1999 to 2021.²

The following methods are employed as the main methodological tools of research: conceptual apparatus of new social history, prosopographical and historical comparative methods as well as methods of historical informatics.

Main body

During the years of Soviet rule, numerous camp systems were created and functioned in the Urals. The first concentration camps operated from 1919 to 1922. In 1929, the second “wave” of creating camps began and the camps were referred to as corrective labor penitentiary institutions.

In the territory of present-day Perm region, there were 17 labor camps; in Sverdlovsk Oblast, 8 corrective labor camps were established starting from 1937; in

---

² Electronic databases “Labor Armyists of Tagillag,” “Labor Armyists of Bogoslovlag,” “Labor Armyists of the ITL BKS-ChMS,” “Labor Armyists of Sevrallag,” “Labor Armyists of Vosturallag,” and “Labor Armyists of Ivdellag” are stored in the archive of the Historical Informatics Laboratory of the Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

We have published books of memory: V.M. Kirillov et al., comps., *Gedenkbuch: “Proud patience. Book of Memory of Soviet Germans – Prisoners of Tagillag”* [in Russian] (Yekaterinburg: OANRN, NTGSPA, 2004); V.M. Kirillov et al., comps., *Gedenkbuch: Book of memory of the German labor armyists of the Bogoslovlag. 1941–1946* [in Russian], 2 vols. (Moscow: RND; Nizhny Tagil: NTGSPA, 2008); V.M. Kirillov, S.L. Razinkov, and E.P. Turova, comps., *Gedenkbuch: Book of Memory of the German labor armyists of the Bakalstroy-Chelyabmetallurgstroi Corrective Labor Camp. 1942–1946* [in Russian] 4 vols. (Moscow: MSNK; Nizhny Tagil: NTGSPA, 2011); V.M. Kirillov, S.L. Razinkov et al., *Fritzland in the Urals. Russian Germans in the Bakallag-Chelyabmetallurgstroy forced labor camp. 1942–1946* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018); et al.

Chelyabinsk Oblast, 7 corrective camps and 17 corrective labor colonies; in Orenburg Oblast, 1 subcamp and 4 corrective labor colonies; in Udmurtia, 3 corrective labor camps; in Bashkiria, 3 corrective labor camps. In the Ural region, 17 corrective labor camps were formed from 1928 to 1941 and 38 camps were formed in the period between 1942 and the early 1960s.³

The object of comparative analysis in our study includes six large forced labor camps in the Urals: Tagillag, Bogoslovlag, Bakalstroï-Chelyabmetallurgstroï Corrective Labor Camp (hereinafter ITL BKS-ChMS), Sevurallag, Vosturallag and Ivdellag. They were chosen because of the use of such a category of special contingent as Germans mobilized for labor duty.

The first large camp system within Sverdlovsk Oblast – Ivdellag – began to be formed by order of the NKVD dated August 16, 1937. The average number of the camp's prisoners was 16 230 people on January 1, 1938, and 20 162 people on January 1, 1939.⁴

By order of the NKVD dated February 5, 1938, another massive camp system, Sevurallag, began to be formed (in the territory of 12 districts with a total area of 110 000 square kilometers). Its administration moved from the town of Turinsk to the town of Irbit, and then to the town of Sosva. The total area of forests transferred to the operation of the camp amounted to 5 417 883 hectares. On February 1, 1939, there were 27 042 prisoners in Sevurallag.⁵

Ivdellag and Sevurallag used the labor of about 50 thousand prisoners. The structure of these camps included almost 100 subdivision, dozens of which subsequently turned into independent camps (Bogoslovlag, Tavdinlag, Lobvinlag, Vosturallag, etc.).

By order of May 8, 1942, Sevurallag was divided into the North Ural Corrective Labor Camp and East Ural Corrective Labor Camp. The latter united 9 subcamps, which included 62 camp subdivisions located in the territory of 3 districts.⁶ From May 8, 1942 to March 4, 1947, the camp was part of the Forest Industry Camp Administration (ULLP) of the NKVD; from March 4, 1947 to April 2, 1953, in the GULLP of the Gulag; then, in the system of the Ministry of Internal Affairs, within which it existed until the beginning of the 21st century.

---

³ See M.B. Smirnov, comp., *The system of corrective labor camps in the USSR, 1923–1960. A reference book* [in Russian] (Moscow: Zven'ya, 1998).

⁴ Smirnov, *The system of corrective labor camps*, 227.

⁵ “Politiko-ekonomicheskaya kharakteristika ITL NKVD 1941” [Political and economic characteristics of the corrective labor camps of the NKVD, 1941]. F. R-9414, op 1, d. 853, ll. 109, 109 ob., 17. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

⁶ Smirnov, *The system of corrective labor camps*, 389, 195.

By order of the NKVD, Bogoslovlag was organized on November 15, 1940. In 1942 it came under the jurisdiction of Glavpromstroi of the NKVD.⁷ In 1941–45, 49 899 prisoners and 20 711 German labor armyists (29.3% of the total special contingent) arrived at the camp.

Tagillag was created in November 1941 and was subordinate to Glavpromstroi of the NKVD. For the period between 1942 and 1945, 95 765 prisoners and 7 249 Germans mobilized for labor duty arrived at Tagillag. The total contingent of the camp amounted to 103 014 people, of which 7% were labor armyists.⁸

In accordance with the resolution of the Politburo of the Central Committee of the VKP(b) as of August 31, 1941, Bakalstroi – Bakallag of the NKVD was organized. Initially, the construction was subordinated to the People's Commissariat of Construction of the USSR, and in November 1941 it was transferred to the jurisdiction of the Special Construction Department of the NKVD. In January 1942, it was re-subordinated to Glavpromstroi of the NKVD under a new name of Bakalstroi-Chelyabmetallurgstroi.⁹ In the period from 1942 to 1946, more than 90 000 people went through this camp, of whom 37 086 were Soviet Germans (41.2%).

There is certain specificity in the sources and the number of contingents of the mobilized Germans who arrived at the camps. 10 224 people arrived at Sevurallag from 1942 to 1944; 7 315 people arrived at Vosturallag during the same time; 17 827 people arrived at Ivdellag from 1941 to 1945; 7 249 people arrived at Tagillag from 1942 to 1946; 20 711 people arrived at Bogoslovlag from 1941 to 1946; more than 37 000 people arrived at ITL BKS-ChMS from 1942 to 1946.

There are peculiarities in the arrival of labor armyists at the camps of the Urals. The first groups arrived in 1941: at Bogoslovlag (from the southern regions of Ukraine, the North Caucasus and other regions of the country)¹⁰ in September; at

---

⁷ Kirillov et al., *Gedenkbuch: Book of memory of the German labor armyists of the Bogoslovlag*, vol. 1, 25, 26.

⁸ “Kartochki ucheta dvizheniya zaklyuchennykh 1942” [Cards for recording the movement of prisoners, 1942]. F. 9414, op. 1, d. 381, ll. 8, 8 ob. GARF; “Kartochki ucheta dvizheniya zaklyuchennykh 1943” [Cards for recording the movement of prisoners, 1943]. F. 9414, op. 1, d. 398, ll. 8, 8 ob. GARF; “Kartochki ucheta dvizheniya zaklyuchennykh 1944” [Cards for recording the movement of prisoners, 1944]. F. 9414, op. 1, d. 414, ll. 6, 6 ob. GARF; “Kartochki ucheta dvizheniya zaklyuchennykh, 1945” [Cards for recording the movement of prisoners 1945]. F. 9414, op. 1, d. 432, ll. 7, 7 ob. GARF; Electronic database “Labor Armyists of Tagillag.”

⁹ “Prikazy po Stroiupravleniyu Bakalmetallurgstroya za 1941 god” [Orders for the Construction Department of Bakalmetallurgstroi for 1941]. F. 1619, op. 1, d. 1, ll. 41–65. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti [United State Archive of Chelyabinsk Oblast] (OGACHO), Chelyabinsk, Russia; “Prikazy po ChMS NKVD 1942” [Orders for the Chelyabmetallurgstroi of the NKVD, 1942]. F. 9414, op. 1, d. 134, l. 28. GARF.

¹⁰ According to the resolution of the Politburo of the Central Committee of the VKP(b) as of August 31, 1941 “On Germans residing in the territory of the Ukrainian SSR,” 18 600 German men

Ivdellag (from Ukraine and Moldova)¹¹ in October. Persons mobilized for labor duty arrived at Sevurallag in April 1942 and in Tagillag and in ITL BKS-ChMS in February 1942 as part of the first massive mobilization initiated by the resolution of the State Defense Committee No. GKO-1123ss as of January 10, 1942. Further on, the camps were replenished by the second (“local Germans”) and third (deportees to Siberia and Central Asia) waves of massive mobilizations in winter and autumn of 1942. The third mobilization in the autumn of 1942 did not affect Bogoslovlag and Tagillag.

During massive mobilization, 100% of the labor army contingent of Bogoslovlag consisted of the people from Omsk Oblast. The Tagillag’s contingent was formed from the deported Volga Germans and Ukrainian Germans brought from Kazakhstan and Siberia, “local” Germans from the Urals and Siberia (Sverdlovsk, Omsk, Tambov and Chelyabinsk oblasts), women and men who were mobilized into the labor army from Omsk Oblast and Krasnoyarsk Krai in September 1943. It should be noted that the German military men demobilized from the Red Army initially found themselves in the internal construction regions of the Urals and already in the spring and summer of 1942 they became labor armyists.¹²

Russian Germans deported from Ukraine, Moldova, the Volga region, the Caucasus, the south and north-west of Russia as well as the “local Germans” of Siberia and the Far East who had been removed to Kazakhstan, Central Asia, and the Urals were sent to the ITL BKS-ChMS.¹³

In terms of numbers of the incoming parties, the first place was taken by the first and second mass conscriptions (69.2%), the third conscription (10.7%), followed by those withdrawn from the Red Army (3.4%), those who arrived from places of detention (2%), and transferred from other NKVD facilities (5.3%).

The main suppliers of labor for Sevurallag-Vosturallag were the Kazakh SSR, Siberia (Altai Krai), the Volga region (Volga-Vyatka region). 66% of persons mobilized for labor duty arrived at Sevurallag as a result of the first two mass

---

of military age were mobilized into construction battalions and sent to the NKVD facilities (Ivdellag, Bogoslovlag, Solikamlag and Kimpersailag). In fact, there were people of different nationalities among them.

¹¹ “Politicheskii otdel Ivdel'spetslesa MVD SSSR. Perepiska s GULAGom NKVD. 1942 god” [Political department of Ivdelspetsles of the MVD of the USSR. Correspondence with the Gulag of the NKVD]. F. 5248. op. 1, d. 53, l. 75. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Cverdlovskoi oblasti [Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast] (TsDOOSO), Yekaterinburg, Russia; “Kartochki ucheta rasstanovki mobilizovannykh nemtsev v rabochikh kolonnakh v lageryakh NKVD. 1943 g.” [Cards for recording the placement of mobilized Germans in labor columns in the NKVD camps. 1943]. F. 9414, op. 1, d. 1172. GARF; Electronic database “Labor armyists of Ivdellag”.

¹² Electronic database “Labor armyists of Tagillag.”

¹³ Electronic database “Labor armyists of the ITL BKS-ChMS.”

conscripted; 5.4%, after the third conscription; 0.1% were those withdrawn from the Red Army; 1% arrived from places of detention; 0.6% were transferred from other NKVD facilities; and there is no data on where another 26.9% came from.¹⁴

The picture in Vosturallag was somewhat different. 37.8% of the total contingent was formed by the first two mass conscriptions; 10.4%, by the third conscription; 5.4%, arrived from places of detention; 11.7%, from NKVD facilities; and there is no data on 34.7% of the contingent.¹⁵

Despite the fact that the card files from various corrective labor camps and the Gulag reporting documents refer to the category of special contingent under study using the general term “Germans mobilized for labor duty,” they contain information about people of different nationalities.

The greatest number of nationalities, 38 nationalities, was among the persons mobilized for labor in the ITL BKS-ChMS (84.6% of them were Germans, and there were also Finns, Karelians, Romanians, Moldovans, Bulgarians, Hungarians, Russians, Ukrainians, Italians, Jews, Austrians, Poles, Estonians, Lithuanians, Latvians, and others). There were 97.1% of Germans among labor armyists in Tagillag; 98.9% in Bogoslovlag; 97.4% in Sevrallag; 89.5% in Ivdellag.¹⁶

The nationalities of the persons mobilized for labor in Vosturallag is characterized as follows: 95.99% Germans; 0.1% Austrians; 0.03% azerbaijanis; 0.01% Americans; 0.01% Armenians; 1.71% Bulgarians; 0.18% Hungarians; 0.37% Greeks; 0.11% Jews; 0.01% Kabardino-Balkarians; 0.04% Karelians; 0.01% Chinese; 0.04% Koreans; 0.01%, Latvians; 0.01%, Magyars; 0.08% Moldovans; 0.15% Poles.¹⁷

Consequently, Bogoslovlag was predominantly “German.” Tagillag, Sevrallag, and Vosturallag had almost equal number of Germans mobilized for labor duty.

In the Ivdellag, German labor armyists also prevailed (more than 95%, taking into account the persons whose nationality is not mentioned in the records of labor armyists but who were Germans in their overwhelming majority, judging by their personal details). A significant number of Moldovans (3%) can be considered as a distinctive feature of the contingent in this camp.

Practically all strata and groups of the USSR’s citizens of German nationality were affected by the conscription to the labor army, the difference being their belonging to a certain mobilization flow and localization of the NKVD facility.

---

¹⁴ Electronic database “Labor armyists of Sevrallag.”

¹⁵ Electronic database “Labor armyists of Vosturallag.”

¹⁶ Electronic databases “Labor armyists of Bakalstroi-Chelyabmetallurgstroi,” “Labor armyists of Tagillag,” “Labor armyists of Bogoslovlag,” “Labor armyists of Sevrallag,” “Labor armyists of Ivdellag.”

¹⁷ Electronic database “Labor armyists of Vosturallag.”

The mobilized Soviet Germans were at the most able-bodied age (men of the age of 15–55 years, women of the age of 16–45 years). During the analysis of gender and age of the labor armyists, we took into account the following circumstance: women were mainly mobilized to the facilities of other People's commissariats, which led to their smaller numbers compared to men and uneven distribution in the NKVD camps. In ITL BKS-ChMS the number of women was 4.2% of the total number of labor armyists in the camp; in Tagillag, 15%; in Bogoslovlag, only 0.5%;¹⁸ in Sevurallag, 5.8%; in Vosturallag, 22.6%; in Ivdellag, 5.7%.

The analysis of the distribution of labor armyists by age gave the following results. In Tagillag, the largest percentage of the persons of German nationality mobilized for labor duty were persons of 15–18 of age, of them 14.8% male and 34.7% female. The prevailing category was constituted by persons from 15 to 38 years of age, of them 78.5% male and 86.9% female, 80% average (the data on the group of 15 to 18 years of age are cited, taking into account the fact that women were mobilized from the age of 16 to the age of 45). There were also those who “fell beyond” the age of the conscripts (under 15 and over 55 years of age) – about 0.4%.

In Bogoslovlag, the largest percentage of the mobilized aged 15 to 39 years was 78.5%. There were more than 1% of those who “fell beyond” the age of conscription.

In the ITL BKS-ChMS, there were 15.7% of conscripts under the age of 20, and 2.1% of those aged 50 and older. The largest percentage of conscripts – 79.5% – included persons of the age from 20 to 40 years.

In Sevurallag, there were 16.47% of conscripts under the age of 20 and 2.91% over the age of 50 and older; 77.2% were 20 to 40 years old.

In Vosturallag, 21.5% of conscripts were under the age of 20; 2.91% were over the age of 50; 80.68% were from 20 to 40 years old.

There are certain differences in the places of birth of the persons mobilized for labor duty in the six camps: in Bogoslovlag they were predominantly (in decreasing percentage) from the Volga region, Ukraine–Moldova–Crimea, Western Siberia, North Caucasus, Kazakhstan, Far East–Eastern Siberia. In Tagillag, from the Volga region, Ukraine–Moldova–Crimea, North Caucasus, Kazakhstan, Transcaucasia, Leningrad Oblast. In ITL BKS-ChMS, from Ukraine–Moldova–Crimea, the Volga region, North Caucasus–South of Russia, Leningrad Oblast, Kazakhstan, Finland. In Sevurallag, from the Volga region, Ukraine–Moldova–Crimea, Transcaucasia, Kazakhstan, Southern Russia, Siberia–Far East.

In Vosturallag, the picture was similar to that in Sevurallag. In Ivdellag, the Volga region (60.1% of labor armyists); the Ukrainian and Moldavian SSR (10%); the South of Russia and the Caucasus (5.7%); Siberia (3.3%); Kazakhstan and Central

---

¹⁸ Electronic databases “Labor armyists of the ITL BKS-CHMS,” “Labor armyists of Tagillag,” “Labor armyists of Bogoslovlag.”

Asia (0.7%); the Urals (0.3%); outside the USSR (0.4%); Leningrad Oblast and Baltic States (0.3%); Central Russia (0.5%); the Byelorussian SSR (0.1%).

Given the high social mobility of the population of the USSR in the 1920s – 1930s, it is quite difficult to establish definite criteria for a person's belonging to a particular social stratum. In the directives for registering and recording the party members dated the 1920s, there were two approaches to determining a person's social class. The first approach determined the social position of a communist on the basis of the occupation that was the source of his existence for the longest period of time. The second approach of social identification of a communist took into account the type of his activity at the time of joining the VKP(b).

Factors such as the secondary importance of this feature in the system of records of the mobilized Germans in the NKVD camps, low qualifications of employees of the Registration and Distribution Department of the Gulag, and the desire of labor armyists to hide their true biography so as not to cause additional repression, significantly complicate social identification of the persons mobilized for labor duty. In addition, poor knowledge of the Russian language by a significant part of the mobilized Germans who previously lived in compact ethnic formations should also be included in the factors that make social identification difficult.

One of the features of the camp system of records was the substitution of information about a person's social origin with data about his social status. For this reason, the vast majority of labor armyists who were referred to as collective farmers in the registration cards were not actually collective farmers because they were born before 1917. In our opinion, the information about social origin of labor armyists is characterized by insufficient data and detail regarding their social and property status. Only a small part of the Soviet Germans engaged in agriculture were assigned to certain categories of the peasantry. At the same time, their proportion in different camps differed considerably (see Table 1). The real picture of social and property differentiation of the German peasantry at the beginning of the 20th century was different from what is shown in the table. Their prosperity is noted in most of the works by domestic scholars.¹⁹

---

¹⁹ See, e.g., I.R. Plevé et al., *History of the Germans in Russia* [in Russian] (Moscow: MaVi grupp, 2020), 231; E.L. Furman, "Soviet rule and the Peasantry in the Volga German Republic in the 1920s" [in Russian], in *Education, life and fate of German settlements in Russia: Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference (Marx, August 5–9, 2015)*, ed. A.A. German (Moscow: MSNK-press, 2016), 176–88. L.V. Malinovskii, "The German village of Siberia on the eve of collectivization" [in Russian], in *Education, life and fate of German settlements in Russia: Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference (Marx, August 5–9, 2015)*, ed. A.A. German (Moscow: MSNK-press, 2016), 198–204.

Thus, it follows from the above that the information contained in the electronic databases can be suitable for characterizing the social affiliation of the mobilized Germans only at the level of the most general social class indicators (peasants – workers – employees). Extrapolation of conclusions based on the analysis of the indicated characteristics of the labor armyists of a particular camp on the entire community of labor armyists is possible only taking into account the specialization and geographical location of each camp.

The social affiliation of the persons mobilized for labor in Vosturallag is characterized as follows: 48.3% peasants (of which 0.3% laborers, 14.3% the poor, 5.6% mid-income peasants, 0.1% kulaks, 0.8% collective farmers); 18.9% workers; 5.1% employees; 0.1% artisans; no data on 6.6%.

Table 1

Social affiliation of persons mobilized for labor in Bogoslovlag, Tagillag, Sevurallag, ITL BKS-CHMS, Ivdellag*

Social affiliation	Bogoslovlag		Tagillag		Sevurallag		ITL BKS- ChMS		Ivdellag	
	pers.	%	pers.	%	pers.	%	pers.	%	pers.	%
peasants	15 729	81,1	3 930	76,2	5 737	69,8	22 772	70,8	10 042	83,4
including:										
laborers	272	7,0	11	6,0	39	2,6	205	2,9	251	4,6
the poor	2 054	52,5	65	35,7	1 024	68,3	3 663	51,3	2 924	53,5
mid-income peasants	1 538	39,3	27	14,8	407	27,1	2 264	31,7	1 985	36,3
kulaks	15	0,4	0	0,0	4	0,3	235	3,3	15	0,3
collective farmers	31	0,8	79	43,4	26	1,7	771	10,8	287	5,3
workers	2 905	15,0	939	18,2	1 959	23,8	7 640	23,7	1 502	12,5
employees	699	3,6	278	5,4	506	6,2	1 670	5,2	474	3,9
merchants	0	0,0	0	0,0	2	0,0	4	0,0	4	0,0
artisans	60	0,3	4	0,1	4	0,0	91	0,3	21	0,2
city dwellers	0	0,0	0	0,0	6	0,1	4	0,0	0	0,0
others	12	0,1	9	0,2	0	0,0	5	0,0	0	0,0
Total	19 405	100	5 160	100	8 214	100	32 186	100	12 043	100
no data	1 306	–	1 549	–	1 753	–	4 900	–	5 784	–
Sum total	20 711	–	6 709	–	9 967	–	37 086	–	17 827	–

***Note.** The sources of the information indicated in Table 1 are the files of registration cards of the camps and electronic databases of persons mobilized for labor in Bogoslovlag, Tagillag, Sevurallag, ITL BKS-ChMS, and Ivdellag.

We conducted a comparative analysis of the level of education in the six corrective labor camps of the Urals in relation to the data of the all-union population census of 1939. According to its results, the educational level of labor armyists was the highest in Tagillag; the lowest, in Sevurallag, Vosturallag and Ivdellag. This difference can be explained by the peculiarities of labor mobilization to the construction sites of Glavpromstroi and to the camps of the Forest Industry Department (in the former case, the number of educated people was greater; in the latter case, smaller). It is more difficult to explain why the educational level of the Tagillag labor armyists exceeded the indicators of Bogoslovlag (after all, both camps belonged to the Glavpromstroi of the NKVD) and exceeded the indicators recorded in the 1939 census materials for the Germans of the RSFSR aged between 20 and 50.

Thus, in Tagillag, there were 3% of people with a university degree; 19.1% had a complete secondary school education; 16.2% had an incomplete secondary school education; 44.2% had primary school education; 11.5% were semiliterate; 6% were illiterate. In Bogoslovlag, 1.9%, 16.5%, 10%, 48.2%, 17.2%, and 6.2% respectively.

In ITL BKS-ChMS, the picture was somewhat different. Persons with a university degree constituted 2%; incomplete university degree, 0.7%; complete secondary school education, 6.1%; incomplete secondary school education, 12.6%; primary school education, 54.4%; semiliterate, 16.8%; illiterate, 7.4%. According to the same parameters, in Sevurallag there were 1.94%, 0.75%, 6.94%, 26.46%, 36.55%, 20.3%, and 4.16%.

The educational level of the labor armyists in Vosturallag was rather low: among them, the proportion of people who had a university degree was only 1.4%. There were even fewer women with a university degree, only 0.5%. The proportion of the persons mobilized for labor who had primary school certificate was 48.4%. There were 2.15% semiliterate people, 4% illiterate, and there is no data on 7.9%.

In Ivdellag, the proportion of labor armyists with a university degree was 0.8%, those with vocational education or incomplete university degree, 1.4%; with general secondary and incomplete secondary education, 20.2%; with primary school education, 52.9%; semiliterate, 16, 5%; illiterate, 8.2%.

For comparison, according to the 1939 census, the proportion of persons with a university degree among Germans was 1.1% (per 1 000 people); with a complete secondary education. 10.5%.²⁰

The opportunities offered by registration cards and the electronic databases formed based on them allowed us to analyze the characteristics of the German labor armyists

---

²⁰ Calculated according to V.B. Zhiromskaya et al., comps., *All-Union population census of 1939. Main results. Russia* [in Russian] (St Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs, 1999), 12, 23; Table 25.

according to their party affiliation. Their percentage in the camps under analysis was approximately the same (see Table 2).

Table 2

Distribution of German labor armyists in ITL BKS-CHMS, Bogoslovlag, Tagillag, Sevurallag, Vosturallag, Ivdellag on the basis of party affiliation*

Party affiliation	Sevurallag (pers./%)	Vosturallag (pers./%)	BKS- ChMS (pers./%)	Tagillag (pers./%)	Bogoslovlag (pers./%)	Ivdellag (pers./%)
member of the VKP(b)	183/1.8	86/1.18	706/1.90	132/1.97	356/1.72	230/1.3
candidate member of the VKP(b)	75/0.8	34/0.46	173/0.47	39/0.58	96/0.46	85/0.5
member of the Komsomol	423/4.2	269/3.68	1 566/4.22	273/4.07	786/3.79	364/2.0
former member of the VKP(b)	16/0.2	7/0.10	–	–	–	6/0.03
former member of the Komsomol	19/0.2	33/0.45	–	–	–	36/0.2
members of foreign communist parties	–	–	5/0.01	9/0.13	4/0.02	–
Total German labor armyists	9 967/ 100	7 315/ 100	37 086/ 100	6 704/ 100	20 711/ 100	17 827/ 100

***Note.** The sources of the information indicated in Table 2 are the electronic databases of the labor armyists in the corrective labor camps.

One of the components of the social portrait is the sphere of employment before mobilization. As a rule, the registration cards recorded an occupation that differed from the main profession or the last position occupied by a labor armyist before the mobilization. Several professions were often recorded, for example, carpenter–bookkeeper–cashier, tractor operator–hammer operator, turner–combine operator, carpenter–technologist–livestock breeder, blacksmith–shoemaker–saddler, etc. Of course, the bulk of the people mobilized for labor duty had to change their professions and specialties in accordance with the needs of the camps.

For this reason, we did not make continuous sampling from all electronic databases but used them as an example for four camps. In Bogoslovlag and Tagillag, the most common occupations were tractor drivers (1,189 and 266 persons respectively); carpenters, joiners (559 and 115); turners and locksmiths (546 and 117); drivers (313 and 64); teachers, lecturers (308 and 88); combine operators and their assistants (167 and 38); accountants (130 and 36).

In Sevurallag and Vosturallag, the majority of labor armyists were collective farmers (3.5% and 4.3%), unskilled workers and laborers (3.2% and 1.5%); of more qualified professions there were tractor drivers, combine operators, drivers, vets, livestock specialists, livestock breeders; carpenters, joiners, metalworkers (locksmiths, turners, car mechanics, tinsmiths, blacksmiths (6.3% and 4.9%)); teachers, machinists, shoemakers, saddlers, accountants. It should be emphasized that the information about this characteristic is not available for more than half of the labor armyists, which is associated with an inadequate system of camp records. In connection with the timber specialization of the camps, it is interesting to note that only 0.2% to 0.3% of the labor armyists had experience in logging works.

A relevant issue in the analysis of social portrait is the reasons for leaving the camp and the level of mortality. In connection with the well-established opinion of the survivors from among the labor armyists about higher mortality among them compared with prisoners, we can cite fairly objective data from camp records. For example, from 1942 to 1945, 9.7% of labor armyists and 20% of the prisoners died in Tagillag. At the same time, 8.4% of labor armyists were demobilized due to disability; 3% were demobilized with no reason given; 5.1% were arrested; and there are no data on 9.1%.²¹

In Bogoslovlag, the death rate among labor armyists reached 18.1%; 29.8% were demobilized; 4% were arrested; there is no data on 0.8% of labor armyists. Mortality among prisoners was 22%.²²

The corresponding figures for labor armyists in the ITL BKS-ChMS are the following: 17.3% died; 34.7% were demobilized or released due to disability; 8.5% were convicted; 2.4% escaped; 22.4% were transferred; other things happened to 0.4%. The mortality rate among prisoners was 5.15%. The specific feature of this camp is that during the most difficult period of its existence, there were much fewer prisoners in it than labor armyists.

In Sevurallag, 5.01% of persons mobilized for labor duty died; 6.28% were demobilized; 50.19% were transferred to other NKVD facilities; 12.82% left for

---

²¹ Electronic database “Labor armyists of Tagillag”; “Kartochki ucheta dvizheniya mobilizovannykh nemtsev 1942” [Cards for recording the movement of mobilized Germans, 1942]. F. 9414, op. 1, d. 381, ll. 8, 8 ob. GARF; “Kartochki ucheta dvizheniya mobilizovannykh nemtsev 1943 [Cards for recording the movement of mobilized Germans, 1943]. F. 9414, op. 1, d. 398, ll. 8, 8 ob. GARF; “Kartochki ucheta dvizheniya mobilizovannykh nemtsev 1944” [Cards for recording the movement of mobilized Germans, 1944]. F. 9414, op.1 dop. d. 414, ll. 6, 6 ob. GARF; “Kartochki ucheta dvizheniya mobilizovannykh nemtsev 1945” [Cards for recording the movement of mobilized Germans, 1945]. F. 9414, op. 1, d. 432, ll. 7, 7 ob.

²² “Kartochki ucheta dvizheniya mobilizovannykh nemtsev 1942–1945” [Cards for recording the movement of mobilized Germans, 1942–1945]. F. 9414, op. 1, d. 381, l. 6 ob.; d. 398, l. 6 ob.; d. 414, l. 4 ob.; d. 436, l. 5 ob. GARF.

industrial enterprises; 7.63% were transferred to the MVD subcamps; 2.23% were arrested or convicted; 0.22% escaped; there is no information on 15.63%.

In Vosturallag, 11.26% of persons mobilized for labor duty died; 28.76% were demobilized; 28.6% were transferred to other NKVD facilities; 12.88% left for industrial enterprises; 5.19% were transferred to the MVD subcamps;²³ 6.22% were arrested or, convicted; 1.13% escaped; 2.28% were taken to the Red Army; there is no data on 3.66%.

2 890 people (16.2%) died in Ivdellag; 3 785 people (21.2%) were demobilized; 1 844 people (10.3%) were transferred to other NKVD facilities and civilian people's commissariats; 3 229 people (18.1%) left for industrial enterprises after the released from the labor army; 1 224 people (6.9%) were transferred to the MVD subcamps; 994 people (5.6%) were arrested or convicted; 64 people (0.4%) escaped; 113 people (0.6%) were taken to the Red Army; there is no data on 3 684 people (20.7%).

The markedly different mortality rates in Sevurallag and Vosturallag can be explained by the fact that their infrastructure was created in the late 1930s, and the camps of Glavpromstroi (Tagillag, Bogoslovlag, ITL BKS-ChMS) were built by the hands of the prisoners themselves during the hardest time of the early period of the war. The increased mortality in the Ivdellag (which was opened in 1937) is directly related to the fact that it was a special camp of penal regime.

In connection with the indicators of departure from the camps, it is very important to pay attention to the categories of demobilized and released due to disability. These groups were the largest in the ITL BKS-ChMS (34.7%), Bogoslovlag (29.8%), Vosturallag (28.76%), and Ivdellag (21.2%). In fact, the labor armyists of this category were on the verge of death due to dystrophy or other serious diseases. They were given a dry ration for exact number of days of travel to the places of deportation (Kazakhstan, Siberia), which they ate almost immediately. That is why only a few of them reached their destination alive.

Another important characteristic of the social portrait of persons mobilized for labor duty is the number of arrests and convictions in the camps. Repression against Soviet Germans was unfolding consistently during the dekulakization campaigns and the campaigns to combat financial aid from Germany and related emigration sentiments during the famine of 1932–33,²⁴ on charges of espionage during the “German operation” of the NKVD in 1937–38 and of direct assistance to the fascists according to the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On the

---

²³ Department of Special Settlements of the Gulag.

²⁴ In the summer of 1933, the German government allocated 17 million marks to help the Germans starving in the USSR. A special account, “Brothers in Need,” was opened in the banks and German President P. von Hindenburg and Chancellor A. Hitler were among the first to put their personal money on that account. See Pleve, *History of the Germans in Russia*, 355.

Resettlement of Germans Residing in the Volga Region” dated August 28, 1941, which served as the basis for deportation.

For these reasons, almost the entire period of being in the labor army was accompanied by arrests and convictions for hostile anti-Soviet activities. Additional opportunities for arrests of labor armyists were offered to the camp operative departments by difficult conditions of camp life, shortage of food, and lack of necessary production skills. For these reasons, the number of convicted labor armyists increased significantly. The main grounds for the charges were theft of food and vital necessities, desertion and sabotage of work, and anti-Soviet agitation.

The content of electronic databases allows us to determine the number of those who were arrested and convicted: 5.1% in Tagillag; 4% in Bogoslovlag; 8.5% in the ITL BKS-ChMS; 2.23% in Sevurallag; 6.22% in Vosturallag; 5.6% in Ivdellag.²⁵ Thus, 5 902 people (6%) of all labor armyists were arrested and convicted in the six camps of the Urals.

When working in the archives of the former NKVD camps, our research group had different opportunities. We were able to get access to the camp documentation of Tagillag, Bogoslovlag, the ITL BKS-ChMS, but we managed to work only with the records of the labor army in the archives of Vosturallag, Sevurallag, and Ivdellag. However, the contents of the electronic databases allowed us to determine the time when labor armyists were transferred to the regime of special settlement. In Tagillag it was in March 1946 and in Bogoslovlag and the ITL BKS-ChMS it was in April of the same year. With regard to Vosturallag and Sevurallag, we can retrace the process of demobilization and transfer to the regime of special settlement from April to October 1946.

Former labor armyists began to leave to reunite with their families in Central Asia or Siberia. However, the NKVD commandants' offices were more willing to agree to the transfer of family members of special settlers to the production sites of former camps. For example, 44 people arrived at Vosturallag in 1946, according to the records in the registration cards. The history of the labor army was coming to an end, but the history of the special settlements continued and lasted until the late 1950s.

Conclusion

Work with unique historical sources and electronic databases formed on their basis allowed us to identify common features of the corrective labor camps under study and to outline the characteristics of the collective social portrait of the persons mobilized for labor duty.

According to the parameters we had identified, we analyzed the sources, dynamics, and stages of the arrival of labor armyists; the range of nationalities that made up this

---

²⁵ Electronic database “Labor armyists of Tagillag.”

contingent was determined; gender and age, place of birth, social origin, level of education, party affiliation, jobs before mobilization, causes and scale of departure from the camps and mortality rate were analyzed; the percentage of arrested and convicted persons was identified; the dynamics of demobilization and release from labor camps was established. As a result of the study, the specific features of social portrait were revealed depending on the place, time, and industrial purpose of the camp.

Of the six camps, the archival materials of which we were able to research with varying degrees of detail, three belonged to the Administration of the Gulag Forest Industry. Their infrastructure was created in the pre-war period. The other three camps were subordinated to the Glavpromstroi of the NKVD and were formed during the war years simultaneously with the construction of industrial plants.

The composition of the special contingent of all camps was complex and was represented by such categories as prisoners convicted of criminal and “counter-revolutionary” offences, persons of several dozen nationalities mobilized for labor duty, prisoners of war, and internees. Prisoners and labor armyists dominated numerically. At a certain period of time, attempts were even made to turn two camps (ITL BKS-ChMS and Ivdel’lag) into purely “labor army” camps.

Despite the special status of the labor armyists (emphasized in a number of instructions of the Gulag) intended for alleviation of their situation, all persons mobilized for labor duty were engaged in forced labor in the conditions of the camp regime together with the general camp population of special contingent. The labor of paid employees made an insignificant percentage in the construction of industrial facilities and in timber harvesting.

Our article focuses on the reconstruction of the social portrait of persons mobilized for labor duty within the framework of certain corrective labor camps in the Urals. The solution of this problem made it possible to identify generalized characteristics of the social portrait of labor armyists as a whole. The main socio-demographic characteristics of this category of special contingent are associated with Russian Germans and practically coincide with the results of the 1939 census.²⁶ However, a fundamentally important difference is that our observations focus on the Russian

---

²⁶ The material analyzed makes it possible to bring up to date the problem of correcting the ideas about the Russian-German ethnos that were formed as a result of the analysis of the All-Union censuses of 1937 and 1939. However, within the framework of our study, this problem is not solved, since it requires special attention to the study of a different set of sources. In addition, as representatives of several dozens of nationalities were mobilized for forced labor, the task is to identify the specific features of their socio-demographic characteristics. In this article, we focus on Russian Germans as the predominant part of the special contingent category, which we chose as the object of the study.

Germans as one of the components of the special contingent of forced labor camps rather than on the German national minority in the USSR.

From this point of view, the generalized characteristics of the social portrait of German labor armyists are the following: the status of the repressed for political reasons at the time of their stay in the camp and the corresponding attitude of the camp administration towards them; the status that differed from that of prisoners and waged workers according to the instructions of the Gulag; the preservation of the party-Komsomol stratum; practically the same living and labor conditions, nutrition standards, mortality rate as those of prisoners; a sharp decrease in the former professional and social status, the transition to the category of unskilled workers; prevalence of anti-Soviet sentiments; a high percentage of arrests for political reasons; the emphasis of most camp industries on the contingent mobilized for labor and intensive exploitation of their labor (especially in 1942–43); the predominance of men; higher discipline and labor productivity compared to prisoners; maintaining the status of the repressed after demobilization and the liquidation of the “labor army”.

Список литературы

Gedenkbuch: «Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага» / авторы-составители В.М. Кириллов и др. Екатеринбург: ОАНРН, НТГСПА, 2004. 716 с.

Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946 гг.: в 2 т. / авторы-составители В.М. Кириллов и др. Москва: РНД; Нижний Тагил: НТГСПА, 2008.

Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942–1946: в 4 т. / авторы-составители: В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова. Москва: МСНК; Нижний Тагил: НТГСПА, 2011.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия / составители В.Б. Жиромская и др. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 207 с.

Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинский государственный университет, 2006. 39 с.

Кириллов В.М., Разинков С.Л. и др. Фрицляндия на Урале. Российские немцы в лагере принудительного труда Бакаллаг-Челябметаллургстрой. 1942–1946. Москва: Политическая энциклопедия, 2018. 807 с.

Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 50-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1998. 18 с.

Малиновский Л.В. Немецкая деревня Сибири накануне коллективизации // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: материалы XV Международной научно-практической конференции (Маркс, 5–9 августа 2015 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2016. С. 198–204.

Пажит Ю.Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2005. 21 с.

Плеве И.Р. и др. История немцев России. Москва: МаВи групп, 2020. 648 с.

Разинков С.Л. Социальный портрет и судьбы советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, 2001. 24 с.

Саранча Г.А. Режим содержания заключенных в лагерях ГУЛАГа 1930–1960 гг. на примере исправительно-трудовых лагерей Пермской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Удмуртский государственный университет, 2010. 23 с.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник / составитель М.Б. Смирнов. Москва: Звенья, 1998. 600 с.

Смыкалин А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начала 60-х гг.: историко-юридическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уральская государственная юридическая академия, 1998. 43 с.

Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2004. 22 с.

Фурман Е.Л. Советская власть и крестьянство в республике немцев Поволжья в 1920-х годах // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: материалы XV Международной научно-практической конференции (Маркс, 5–9 августа 2015 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2016. С. 176–188.

Bruhl V., Wanner M. Gedenkbuch Altai und Omsk. Staatsterror an den Deutschen in den Regionen Altai und Omsk. 1919–1953. Nürnberg: Druckerei Theodor Schobert, 2009. 299 S.

Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 / Herausgegeben von A. Eisfeld, V. Herdt. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. 555 S.

Krieger V. Bundesbürger russlanddeutscher Herkunft. Historische Schlüsselerfahrungen und kollektives Gedächtnis. Münster: Lit-Verlag, 2013. 272 S.

Krieger V. Rotes deutsches Wolgaland: Zum 100. Jubiläum der Gründung der Wolgadeutschen Republik: eine populärwissenschaftliche Darstellung. Düsseldorf: VIRA e.V., 2018. 114 S.

Washkau N.E. Deportation of Russian Germans in 1941 and its consequences // Journal of the American Historical Society of Germans from Russia. 2008. Vol. 31, № 4. P. 5–14.

References

Bruhl, V., and M. Wanner. *Gedenkbuch Altai und Omsk. Staatsterror an den Deutschen in den Regionen Altai und Omsk. 1919–1953*. Nürnberg: Druckerei Theodor Schobert, 2009.

Eisfeld, A., and V. Herdt., comps. *Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956*. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996.

Furman, E.L. “Sovetskaya vlast' i krest'yanstvo v respublike nemtsev Povolzh'ya v 1920-h godakh” [Soviet rule and the Peasantry in the Volga German Republic in the 1920s]. In *Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemetskikh poselenii v Rossii: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Marks, 5–9 avgusta 2015 g.)* [Education, life and fate of German settlements in Russia: Proceedings of the 15th International Scientific and Practical

Conference (Marx, August 5–9, 2015)], edited by A.A. German, 176–88. Moscow: MSNK-press, 2016. (In Russian)

Goncharov, G.A. *Trudovaya armiya na Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Labor army in the Urals during the Great Patriotic War]. Doctoral thesis. Chelyabinsk State University, 2006. (In Russian)

Kirillov, V.M. et al., comps. *Gedenkbuch: “Gordoe terpen'e. Kniga pamyati sovetskikh nemtsev – uznikov Tagillaga”* [Gedenkbuch: “Proud patience. Book of Memory of Soviet Germans – Prisoners of Tagillag”]. Yekaterinburg: OANRN, NTGSPA, 2004. (In Russian)

Kirillov, V.M. et al., comps. *Gedenkbuch: Kniga pamyati nemtsev-trudarmeitsev Bogoslovlaga. 1941–1946 gg* [Gedenkbuch: Book of memory of the German labor armyists of the Bogoslovlag. 1941–1946]. 2 vols. Moscow: RND; Nizhny Tagil: NTGSPA, 2008. (In Russian)

Kirillov, V.M., S.L. Razinkov et al. *Fritslyandiya na Urale. Rossiiskie nemtsy v lagere prinuditel'nogo truda Bakallag-Chelyabmetallurgstroi. 1942–1946* [Fritzland in the Urals. Russian Germans in the Bakallag-Chelyabmetallurgstroy forced labor camp. 1942–1946]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. (In Russian)

Kirillov, V.M., S.L. Razinkov, and E.P. Turova, comps. *Gedenkbuch: Kniga pamyati nemtsev-trudarmeitsev ITL Bakalstroi-Chelyabmetallurgstroi. 1942–1946* [Gedenkbuch: Book of Memory of the German labor armyists of the Bakalstroy-Chelyabmetallurgstroy Corrective Labor Camp. 1942–1946]. 4 vols. Moscow: MSNK; Nizhny Tagil: NTGSPA, 2011. (In Russian)

Krieger, V. *Bundesbürger russlanddeutscher Herkunft. Historische Schlüsselerfahrungen und kollektives Gedächtnis*. Münster: Lit-Verlag, 2013.

Krieger, V. *Rotes deutsches Wolgaland: Zum 100. Jubiläum der Gründung der Wolgadeutschen Republik: eine populärwissenschaftliche Darstellung*. Düsseldorf: VIRA e.V., 2018.

Malamud, G.Ya. *Zaklyuchennye, trudmobilizovannye NKVD i spetsposeletsy na Urale v 1940-kh – nachale 50-kh gg*. [Prisoners mobilized for labor by the NKVD and special settlers in the Urals in the 1940s – early 1950s]. PhD thesis. Gorky Ural State University, 1998. (In Russian)

Malinovskii, L.V. “Nemetskaya derevnya Sibiri nakanune kollektivizatsii” [The German village of Siberia on the eve of collectivization]. In *Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemetskikh poselenii v Rossii: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Marks, 5–9 avgusta 2015 g.)* [Education, life and fate of German settlements in Russia: Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference (Marx, August 5–9, 2015)], edited by A.A. German, 198–204. Moscow: MSNK-press, 2016. (In Russian)

Pazhit, Yu.Yu. *Zaklyuchennye, trudmobilizovannye NKVD SSSR i spetsposeletsy v Sverdlovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Prisoners mobilized for labor by the NKVD of the USSR and special settlers in Sverdlovsk Oblast during the Great Patriotic War]. PhD diss. Gorky Ural State University, 2005. (In Russian)

Pleve, I.R. et al. *Istoriya nemtsev Rossii* [History of the Germans in Russia]. Moscow: MaVi grupp, 2020. (In Russian)

Razinkov, S.L. *Sotsial'nyi portret i sud'by sovetskikh nemtsev-trudarmeitsev, mobilizovannykh v lagerya NKVD na territorii Sverdlovskoi oblasti v 1941–1946 gg.: opyt sozdaniya i primeneniya elektronnoi bazy dannykh* [Social portrait and fate of the Soviet Germans – labor armyists mobilized in the camps of the NKVD in the territory of Sverdlovsk Oblast in 1941–1946: an attempt of creating and using an electronic database]. PhD thesis. Institute of History and Archeology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001. (In Russian)

Sarancha, G.A. *Rezhim sodержaniya zaklyuchennykh v lageryakh GULAGa 1930–1960 gg. na primere ispravitel'no-trudovykh lagerei Permskoi oblasti* [Regime of confining prisoners in the Gulag camps in 1930–1960 as in the case of corrective labor camps in Perm Oblast]. PhD thesis. Udmurt State University, 2010. (In Russian)

Smirnov, M.B., comp. *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR, 1923–1960. Spravochnik* [The system of corrective labor camps in the USSR, 1923–1960. A reference book]. Moscow: Zven'ya, 1998. (In Russian)

Smykalin, A.S. *Penitentsiarnaya sistema sovetskoï Rossii 1917 – nachala 60-h gg.: istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [Penitentiary system of Soviet Russia in 1917 – early 1960s: historico-legal research]. Doctoral thesis. Ural State Law Academy, 1998. (In Russian)

Suslov, A.B. *Spetskontingent v Permskom krae v kontse 20-h – nachale 50-h gg. XX v.* [Special contingent in Perm Krai in the late 1920s – early 1950s]. Doctoral thesis. Gorky Ural State University, 2004. (In Russian)

Washkau, N.E. “Deportation of Russian Germans in 1941 and its consequences.” *Journal of the American Historical Society of Germans from Russia*, vol. 31, no. 4. (2008): 5–14.

Zhiromskaya, V.B. et al., comps. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi. Rossiya* [All-Union population census of 1939. Main results. Russia]. St Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs, 1999. (In Russian)

Информация об авторах

Виктор Михайлович Кириллов – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, <https://orcid.org/0000-0002-6878-2171>, history_vmk@mail.ru, Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета в г. Нижнем Тагиле (д. 57, ул. Красногвардейская, 622031 г. Нижний Тагил, Россия).

Сергей Львович Разинков – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения, <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>, sergerazinkov@mail.ru, Российский государственный профессионально-педагогический университет (д. 11, ул. Машиностроителей, 620012 г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Viktor M. Kirillov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-6878-2171>, history_vmk@mail.ru, Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University in Nizhny Tagil (57, ul. Krasnogvardeiskaya, Nizhny Tagil, 622031, Russia).

Sergei L. Razinkov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Documentation, History and Legal Support, <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>, sergerazinkov@mail.ru, Russian State Vocational Pedagogical University (11, ul. Mashinostroitelei, Yekaterinburg, 620012, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: all authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 21.05.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 06.09.2021.

The article was submitted 21.05.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 06.09.2021.